

НА СТЕКЛЕ ПО УМОЛЧАНИЮ

(Два билета в Сеул)

Место действия

- престижный пансионат для пожилых людей где-то во Франции (наши дни)

Действующие лица

- Доктор – шеф пансионата
- Мадлен – его помощница, 40 лет
- Доктор Гурвич, психиатр родом из России, консультант пансионата
- Профессор Бэнг – постоянный обитатель пансионата, 63 года, седой, высокий россиянин азиатского происхождения
- сын и дочь профессора
- компаньоны сына
- обитатели и работники пансионата
- спонсоры (попечители) пансионата

КАБИНЕТ ДОКТОРА 11 утра

Доктор (по телефону): «Будьте добры, Мадлен, со всеми досье ко мне».

По всей больнице: «Мадам Мадлен, с отчетом к Доктору».

В кабинет доктора входит миловидная шатенка с папкой о всех больных.

Доктор: «Добрый день, ну как у нас дела?»

М-м Мадлен (кокетливо): «У нас? У нас, мне кажется, все почти нормально. Еще бы хорошую чашку кофе и станет совсем хорошо».

Доктор: «Ну что ж, кофе я могу тебе предложить в другом месте и (пауза), пожалуй, в другое время. У меня сегодня отчет перед Советом директоров – нужна полная информация, скоро годовая проверка».

М-м Мадлен: «Надеюсь, пройдет как всегда, всё будет подписано и согласовано с вами».

Доктор: «Тоже надеюсь, но информация для меня все равно нужна» (нежно обнимает).

М-м Мадлен: «Я собрала полную информацию, в принципе, надо знать, что все 48 посетителей здоровы и радостны, оплаты проходят во время, консультации и др. услуги – в полной мере по договорам, так что мы чисты перед Советом директоров».

Доктор: «Мадлен, полностью? Нет ли у нас долгов, проблем, я хочу после отчетов поехать на семинар в Швецию и должен быть полностью уверен во всем».

М-м Мадлен: «Ну, во всем никто не бывает уверен, даже я в тебе, отпуская в Швецию. А если уж всерьез, меня беспокоят участвовавшие походы к нам из различных фондов. Они знают, что наши клиенты состоятельны, могут вовлечь их в свою орбиту. Как бы они не стали платить в другие кассы?!»

Доктор: «И?»

М-м Мадлен: «И мы... просто потеряем своих друзей. Я готова делить все, разумеется, кроме тебя и, конечно же, богатых спонсоров».

Доктор: «Ладно, спасибо, это проблема месье Прево. Он не меньше нас заинтересован в этом. Кажется, разговор затягивается». По телефону: «Изабель, пожалуйста, две чашки кофе».

М-м Мадлен: «Здесь? Ты хочешь, чтоб все об этом судачили? Меня и так провожают сюда многозначительными взглядами».

Доктор: «Просто, глядя на тебя, они все хотят оказаться на моем месте. Но для этого им надо не только долго учиться, но и медленно...» - входит Изабель.

Доктор: «Изабель, будьте добры, кофе поставьте к маленькому столу».

М-м Мадлен (после ухода), отпивая кофе: «Она так и не научится готовить кофе. Ну ладно. Доктор, у нас могут быть проблемы с русским из 19 палаты».

Доктор: «Главное, чтоб у нас с тобой не было проблем. А с русским, кстати, сколько ему (открывает его папку) 63, профессор математики, женат, двое детей. Они его навещают?»

М-м Мадлен: «Нет. Раньше звонили, но он не желает с ними говорить. И вообще он ни с кем практически не говорит. Он все время один, в основном, сидит у моря, укрывшись пледом и смотрит в даль, иногда рисует».

Доктор: «Я бы и сам с удовольствием посидел в теплом пледе у моря».

М-м Мадлен: «Доктор, но не все же время?»

Доктор: «Да, хорошо утро начиналось! Чашки кофе, прелестная мадам и вдруг. Так, я пошел (по селектору): «Пожалуйста, Изабель, доктора Масуду пригласите ко мне. Сейчас».

Входит пожилой японец.

Доктор: «Доктор Масуда, нас беспокоит русский из 20».

Масуда: «Из 19».

Доктор (раздраженно): «Хоть из 25! Все-таки, что с ним? Может ему что-то не нравится, не устраивает? У меня не может быть пациента одинокого наедине со своими проблемами. Я должен знать о нем все, как и о других».

Картина №

В это время на берегу моря сидит, укутавшись в плед, красивый седой мужчина (профессор Бэнг). Кажется, его ничего не волнует, кроме чаек.

В метрах 20-ти от него – группа, хорошо одетых, пожилых людей прохаживается у моря. Кто-то бросает камешки в море, кто-то разминается.

Двое активно и достаточно громко беседуют о профессоре:

1-й – «Станный, все-таки, этот русский профессор, ни с кем не общается. Предлагал выпить – отказался, сыграть в шахматы – тоже».

2-ой – «Мне он напоминает сфинкса. Как ни придешь к морю, он уже сидит. И молчит».

1-ый – «Я бы назвал его месье Не. Он не курит, не пьет, не говорит. Слава богу, пока еще дышит и ходит. Правда, много читает и что-то рисует».

2-ой – «Уже легче. Хоть читает и рисует. Уже живой».

1-ый – «Может он связан с мафией? Или прячется от неё? Он же русский, но с другой стороны – профессор математики».

2-ой – «Русский-то русский. Но уж очень своеобразный. У меня у тети в Германии после войны жили русские, так она говорила о них другое. Совсем другое. Да и вообще он не понятен мне. В церковь не ходит, в город не ездит, все время один. Точно прячется от кого-то, я такое видел в фильмах про Россию».

1-ый – «Слушай, Патрик, а если с ним придут разбираться, нам ведь тоже может достаться. Так что гаси свое любопытство – держимся от него подальше».

Картина №

Москва. Загородная резиденция. Сидят бчеловек, по всей видимости, бизнесмены, банкиры.

Ведущий: «Итак, друзья, становится все тяжелее с деньгами, регионы уже не те, наши условия обналички и раскрутки бюджетных денег не идут. Вариантов немного – первый – сокращаем наши доходы, все проводим легально. Второй – тупо продолжаем обналичку, пока не залетим. Наш юрист предлагает другой путь, давайте послушаем его».

Юрист (пожилой человек, небольшого роста): «Я думаю, сдаваться рановато, все может измениться. Мы проработали все варианты – для нас наиболее приемлемый – брать кредиты на подставных лиц. Желательно преклонного возраста и без родственников».

Сын профессора: «И где мы их найдем в таком количестве? Наверняка не мы одни такие умные».

Юрист: «А вот это не моя задача, я показал вполне легальный путь, а вы думайте, где найти их в таком количестве. Еще 10 лет назад как-то вы не стеснялись в выборе путей и квартиры себе отбирали играючи».

Ведущий: «Все принято, только надо определиться – искать стариков по одному или целиком домами для престарелых, пансионатами».

Сын профессора: «Так мы замучаемся искать поодиночке, время-то идет. Потом эти операции стали всем известными. А коллективом и решать проще – толпа понимает – не упустить момент – успеть как и Сидоров, Петров и т.д.».

Ведущий: «Вот Вы и займетесь персонально. Забито? Ставка увеличивается в два раза, но расчет по результату полный и строгий. Лады?»

Сын профессора: «Конечно. А если увеличите еще больше, то я...»

Ведущий: «Ладно, не зарекайтесь и за язык Вас никто сейчас не тянет. А пока доступ к кассе для Бэнга открой без ограничений. Он должен стать спонсором или еще кем-то в этих домах. Все, завершаем».

Картина №

Сцена разделена.

В одной комнате доктор Масуда внимательно изучает досье профессора, его поручителей и финансовое состояние.

Недалеко пенсионеры играют в мяч. Профессор сидит в мягком вельветовом костюме в кресле у камина – читает письма.

1) Голос дочери: «Дорогой папа, мы сильно скучаем по тебе, ты ничего не пишешь. Павлик уже подросток, ходит в 5 класс, все говорят, что он очень похож на тебя. У него хорошие задатки в математике. Прямо как ты. Кстати, папа, врачи прописали ему обязательную поездку на море. Но в Турцию или Египет он уже не хочет. Помоги, пожалуйста, деньгами, чтоб нам всем поехать на Мальдивы. Целую, Галя».

2) Голос сына: «Привет, отец. У нас все нормально. Купили новую машину. Расширяю дом. Пап, ты не мог бы временно, повторяю, временно, занять некоторую сумму. У меня хороший проект скоро со всеми расплачусь, а с тобой в первую очередь. Ты и так для нас много сделал, но сейчас у нас временные трудности. Кстати, Зина научилась готовить корейские блюда, так

что приезжай, будем рады. О просьбе моей не забудь, пожалуйста. Обнимаю, Слава».

Далее. Сменяются женский и мужской голос:

«Помоги для ремонта дачи. Надо погасить кредит. Твой внук отправляется на конкурс. Пришли. Отправь».

Картина из его детства.

Ему 10-12 лет. Детский дом на Сахалине. Где он за уборку на кухне получает хлебные корки и обмакивает корки в котле. В это время на кухню входит завхоз, он хромает, опирается на тяжелую трость. Он наступает изо всех сил тростью на босую ногу Бэнга и приговаривает: «Нельзя без спросу что-то брать, нельзя!!» (эхо: «нельзя! нельзя!»). Достается и поварихе, он слегка шлепает её как ребенка. Повариха с завхозом, шутя, переругиваясь, уходят на склад, мальчик с ужасом рассматривает свою стопу и плачет. Вдруг слышится ему корейская струнная музыка, к нему приходят отец с мамой в национальных нарядах. Мать успокаивает его, перевязывает ногу, но отец, достаточно жестко ему говорит: «Надо слушаться старших, они желают тебе только добра, они сами были маленькими и знают как воспитывать малышей, можно делать все только с согласия старших». Мать же, перевязав ногу, начинает из заготовленных средств (в основном белой бумаги) строить вокруг сына корейский пейзаж: горы, снег, деревья. Приносит сыну простую корейскую одежду. В это время отец выхватывает это все и бросает: нельзя сына баловать, запомни, чтоб выжить он должен забыть, что он кореец. Горы и декорации превращаются в бумажный снегопад, где на каждом листке: «нельзя, запрещено, неудобно, некрасиво, стыдно, опасно». Мальчик вдруг просыпается: он в детдомовской одежде, босиком, родителей нет, но бумажный снег всюду. Но нога заботливо перевязана.

Картина №

Беседуют в кабинете у Доктора: доктор Масуда, Мадлен, сам Доктор и представитель Попечителей. «Ну что, Вы явно были не в ударе. Не впечатлили всех успехами, есть мнение, что не все деньги спонсоров и город властей рационально расходуются. Господи, что это я говорю штампами. Итак, через 2 месяца к нам едет комиссия, надо, чтоб здание блестело, пациенты радовались жизни и вашему лечению. Персонал источал любезность и благодушие. Хоть на 3 дня сможете это изобразить? Или нам нужен другой менеджер?»

Доктор: «В целом-то мы готовы. Можете посмотреть все и удостовериться».

Представитель попечителей: «Всё и всех? Так, я Вас понял. Хорошо» (и уходит, довольный собой).

Доктор: «Если всерьёз, меня беспокоит несколько вопросов: расписаны ли статьи расходов на ближайшие месяцы. Мы должны расписать все так, чтоб спонсоры плакали от умиления и рылись в карманах в поисках последнего евро. Далее – оплата поступила за каждого? Проверьте. Доктор Масуда, все, повторяю, все должны быть здоровы, радостны.

Доктор Масуда: «Понятно. Все вроде в порядке, только дело в...»

Доктор: «Не говорите, что в Профессоре! Мы, кажется, уже обсудили. Поговорите с ним».

Доктор Масуда: «Вроде б поговорил. Но он не будет со мной откровенен. Понимаете, он не совсем русский, он кореец родом из Сахалина, и я – из Сахалина родом, только японец.

Доктор: «И что теперь? У нас же работают профессор Деррлингер и Гурвич? И что? Кому это мешает?»

Доктор Масуда: «Здесь всё глубже. Он сам по себе закрытый человек, да тут еще стереотипы о японцах, его родители где-то пропали. Я думаю, это скорее к доктору Гурвичу, он родом из России, лучше знает их тараканы, работал там. Язык-то точно они найдут, а где язык, там и решение».

Доктор: «Короче, из-за этого старика нам надо увеличивать время консультаций Гурвича и это все перед проверкой».

Мадлен: «Он не старик» (с нажимом).

Доктор: «Так-так. И как Вы это определили? Интересно!»

Мадлен: «Я видела, как он поймал случайно летевший мяч и то, какую он делает зарядку у моря, когда никого нет, то поневоле думаешь, сколько же ему лет на самом деле».

Доктор: «Ну что ж, это даже совсем неплохо. Вы им и займетесь. Пригласите его погулять, разговорите его, пока его депрессия не передалась другим. И придется, все-таки, пригласить нашего очень «дорогого» Гурвича».

Доктор Масуда: «Мадлен, я Вам советую с ним познакомиться как бы случайно, непринужденно, не как врач, а как женщина. И, причем, красивая женщина. Короче, его надо оживить своей красотой».

Прошло две недели

В кабинете доктор Масуда, Мадлен и доктор Гурвич.

Доктор Масуда: «Я говорил, что с ним непросто, но Доктор настаивает: «Здесь и сейчас». Мы же не на заводе, у нас нет конвейера».

Доктор Гурвич: «Непросто со всеми, но он другой внешности, происхождения и культуры, поэтому это еще и интересно. Да, кстати, а как он здесь оказался, ведь азиаты здесь, в таких домах, редкость».

Мадлен: «Я его прямо спросила, потому что боялась, что он прячется от кого-то. А мне не хочется проблем ни с кем. Он ответил, что в его доме стали пропадать старики и все происходило таинственно. Он, несмотря на всю депрессию, не хочет повторять их путь, поэтому сдает квартиру. Она – в престижном районе Москвы, каким-то дипломатам, а на эти деньги может жить припеваючи, даже с шиком. Вот такие законы жизни».

Доктор Масуда: «Ладно, это не по моей части, я всего лишь хочу посоветовать Вам, доктор Гурвич, осторожности и тактичности. Он очень закрытый. Он напоминает героев Кобо Абэ «Человек-ящик».

Доктор Гурвич: «Спасибо, но у русских тоже есть образ «человек в футляре». Но неужели вся забота о нем исходит из его депрессивности и возможного влияния на других?»

Мадлен (одновременно): «Мы не знаем, обычная забота, не хотелось бы терять статус и престиж. Не так часто – у нас русские профессора, это наша первая проба на таком уровне».

Картина №

В большом кабинете беседуют Доктор Гурвич (тихонечко попивает кофе) и Профессор (рисует пейзажи).

Доктор Гурвич: «Скажите, Профессор, а почему Вы выбрали математику, при Вашем интересе к поэзии, литературе. Философии?»

Профессор: «Верите ль? Я мог бы выбрать любой факультет. Золотая медаль, интернат, как и все, комсомолец. Но на математическом можно было б спрятаться от политики, не давать оценок, не влезать на чужую территорию. Да и в целом, как говорит мой друг – математик – это три «К»: коротко, конкретно и корректно. Вот и все. Политика, чтоб спрятаться от политики».

Доктор Гурвич: «Но не говорите мне, что и доктором стали по инерции, никому не мешая. Я сам со второй попытки защитил, лишь после дочери шефа».

Профессор (развешивает свои пейзажи): «Да, я никому не мешал и мне так же. Никогда не голосовал «против» на защитах, всем был нужен свой оппонент со степенью. Этакий диссертационный Молчалин. Так и проделал путь от Сахалина через Магадан, Среднюю Азию – в Москву, не принадлежал ни к какому из кланов, родов, так что... всех-то я устраивал».

Доктор Гурвич: «А в партию-то успели?»

Профессор: «Да нет, особо и не звали, там и без меня хватало ученых. А там и надо было кого-то осуждать кого-то конкретно поддержать, а это не по мне. Живи и дай жить другим. А я никому не мешал, а сам может и не жил».

Доктор Гурвич: «Господи! Но Вы же не старик! Откуда такое всезнайство и осторожность? Как будто жизнь Вас трепала все годы».

Профессор показывает на книги рядом с собой и говорит печально: «Да вот откуда».

Картина №

Чуть освещенная комната, беседуют мрачные силуэты и Доктор вместе с сыном Профессора.

1-ый силуэт: «Доктор, так Вы нам подобрали очередного кредитора или опять отложили на неделю? А может нам нужен другой Доктор? Поразворотливей, попрфессиональней. Уже и Профессора Вам подвели и сын его все рассказал. От Вас лишь требуется сделать его послушным и управляемым, чтоб он дошел до банка и все подписал. Это сложно?»

Доктор: «Но я не могу Гурвича во все вовлекать, да и Масуда не мой. Но без них любая проверка и мне никак не отвертеться, я не хочу подставляться».

2-ой силуэт: «Стоп. Стоп. Точка с запятой. Я же вас не включаю в проблемы обналаживания, безопасности, поиски спонсоров. Каждый делает свою работу». От одной ладони – хлопка не бывает. Подставляйте свою ладонь. Твердо и уверенно. А Славе легко решить задачу со своими партнерами? Он же не ропщет, что это его отец. Надо так надо для дела. Для общего дела».

Доктор: «Но мне не так просто объяснить всем и судьбу мадам Ковальской. Вокруг же доктора, а не охранники. Мне кажется, что они догадываются».

1-ый силуэт: «Так. Понятно. В пятницу, ладно, в следующую пятницу, мы приезжаем со всеми документами. Он должен все с радостью и благодарностью получить, перевести в Фонд и вернуться к вам. Вы нам это гарантируете?»

Сын Профессора (пугливо): «Да он мне никогда не отказывал, он вообще никому никогда не отказывал. Вы попросите его, только мягко, но настойчиво. Настойчиво».

Они видят в окно как вдали Профессор прогуливается по берегу с Мадлен.

1-ый силуэт: «Кстати, пора включать ваше основное оружие – Мадлен. Или она уже Вам тоже не друг? У Вас – 10 дней, так что решайте. А если что, берите кредиты на себя, жену, дочь. Все, пока» (Уходят, не пожав протянутую руку Доктора).

Картина №

В комнате беседуют Доктор Гурвич и Профессор.

Доктор Гурвич: «Честно говоря, иногда просто хочется поговорить на родном языке. Потолковать. Не возражаете?»

Профессор: «Да нет, отчего ж!»

Доктор Гурвич: «Кстати, откуда у Вас такой французский?»

Профессор: «Понимаете (задумчиво), Я прожил не совсем прозрачную жизнь. На работе делал то, что надо. Вел себя как надо. Подчинялся старшим, не выскакивал вперед. Но у меня была отдушина – литература, европейская поэзия, причем, в оригинале на французском. Еще раньше активистов в вузе записывали на английский язык, середнячков на немецкий, а тихих и покладистых на французский».

Доктор Гурвич: «Да, необычно как-то. Провинциальные вузы, европейская поэзия. Простите великодушно, для большинства выходом был бы...».

Профессор: «Вас интересует, почему я не спился? Сам не знаю! Наверное, азиатские гены сработали, да и долгое время жил в Средней Азии».

Доктор Гурвич: «Да ладно, простите за бестактность. Я должен был задать это. В моем возрасте любопытство не порок».

Профессор: «Вот и Вы должны были. Вы должны что-то делать, спрашивать. А можно делать то, что не должен, а по желанию. Я постоянно думаю об этом».

Доктор Гурвич: «Думаю, вряд ли. Мы все надеваем чьи-то костюмы, учим чьи-то роли. Как-то у нас с Вами беседа идет, как бы выразиться, в философскую стезю, некие разговоры у проселочной дороги».

Профессор: «Да отчего ж. У меня сейчас много времени, долго размышляю один у моря. Как у классика: «Кто у моря не философствовал?!». Как-то глупо все получается, остаться одному в пансионате, а так хотя бы такой дуэт».

Доктор Гурвич: «Но у Вас же дети. У Вас были жены».

Профессор: «Понимаете, женам я был скучен, наверное, работал и читал, иногда рисовал по стеклу. А это кажется скучным, я не штурмовал горы, не строил БАМ, а просто работал каждый день и ещё приносил работу домой. Так они этого не выдержали, нашли себе новых мужей. Представьте себе, обе счастливы. Во всяком случае, так говорят. Мы расходимся спокойно».

Доктор Гурвич: «Ну и Вы говорите, что счастливы (смеется). Да, счастье, счастье. Кто бы знал, что это такое и что нам нужно от жизни. Кстати, прошу Вас (тихо подойдя к Профессору), никому не говорите о Ваших материальных возможностях. Что-то мне не нравится пристальный интерес к Вам руководства. Не верю я в их когнитивный интерес».

Профессор: «Да, руководству я всегда был интересен».

Картина №

Сидят силуэты в костюмах и тюбетейках. Посередине Профессор (сравнительно молодой, 35-40 лет).

Выступает **1-ый силуэт:** «Уважаемые товарищи, какие будут мнения по поводу монографии доцента Бэнга? Пожалуйста, высказывайтесь».

2-ой силуэт: «Я думаю, рукопись сырая».

3-ий силуэт: «Рановато публиковать».

4-ый силуэт: «Под монографией будет подпись одного доцента Бэнга или всего коллектива кафедры? Ведь работаем мы все, прошлый семестр я его заменял, я мог бы тоже написать, но нет времени. А у него есть, откуда?».

1-ый силуэт: «Понятно. Мнение единогласное».

Хор силуэтов: «Да, рановато публиковать, требуется основательная доработка».

1-ый силуэт: «Так, все свободны. Заседание теоретического семинара закончено. Доцент Бэнг, останьтесь, пожалуйста».

Все уходят, остаются двое. Своему помощнику кричит: «Нам два чая и, пожалуйста, никого не пускать».

«Садись, пожалуйста. Вот видишь, какие у нас коллеги? Даже не знаю, что делать с твоей работой? Но они так категорично настроены, боюсь, что тебе не удастся её опубликовать. А без неё и на докторскую не выйдешь. Надо бы подкрепиться чьим-либо авторитетом, взять в соавторы что ли».

Профессор: «А может Вы уважаемый согласились бы стать соавтором?»

1-ый силуэт: «Да я не знаю, тема не моя и работ у меня и так много, что мне еще одна работа, зато ответственность навсегда».

(Входит секретарь с подносом, где чай и сладости).

«Садись дорогой Бэнг. Ты же знаешь, ты нам как свой. Я к тебе по-отечески отношусь и своих земляков критикую тогда за отношение к гостям. Какой же ты гость, ты же наш азиат. Поэтому, ладно, так и быть, буду с тобой соавтором. Только не солидно мне быть вторым. Давай так, по порядку: я, затем ты, а затем... (подумал) и моего друга, очень уважаемого профессора из Москвы, его имя нам очень пригодится. Особенно тебе перед защитой».

Картина №

Комната Доктора. Сидит д-р Масуда, Мадлен. Д-р Гурвич с трубкой рассказывает за столом. Доктор.

Доктор: «Итак, время наших разговоров подошло к концу. Я прошу прощения, что прошлый раз был не сдержан. Но мне нужен портрет Профессора, его настрой, чтоб...чтоб...»

Доктор Масуда: «Чтоб что?»

Доктор: «Скажу честно, мне надо, чтоб он взял на себя банковский кредит и передал его нашим друзьям его сына».

Мадлен: «Да, иногда я не жалею, что у меня нет детей».

Доктор: «Ну, это не наши проблемы. Но они могут стать нашими, если это не получится или получится с оглаской. А это нам ни к чему».

Доктор Масуда: «Надо поговорить с ним так, чтобы он стал податливым и мягким. Но на гипноз он вряд ли поддастся – на все нужно 2-3 дня».

Доктор: «Так, доктор Гурвич, Вы у нас дольше всех с ним работали. Тратили Ваше и наше драгоценное время».

Доктор Гурвич (с упреком): «Опять?»

Доктор: «Да ладно. Вы должны были составить его портрет. Подобрать слова, которые б его буквально запрограммировали, внушили б ему нашу совместную идею».

Доктор Гурвич: «С ним общался не только я. Как что, так Гурвич!»

Доктор: «Я сказал, хватит об этом, потому, что Вы наш дорогой и уважаемый консультант. Вам и слово, как единственному консультанту».

Доктор Гурвич: «Да я не об этом. Я хотел сказать, что и у других коллег есть свое представление о Профессоре. Так что прошу активнее подключиться к беседе. Надеюсь, посторонних здесь нет».

Доктор: «Конечно, конечно. Но давайте, наконец, начнем».

Доктор Гурвич: «Он грубый рационалист. Все согласует, взвешивает и, если ситуация не поддается анализу, он просто уходит от нее».

Доктор: «Ну, понятно. Профессор – математик, было б смешно, если он был бы сверхэмоционален».

Доктор Гурвич: «Так, продолжаем, он сам сделал свое состояние, основываясь только на свои силы, без наследства и помощи со стороны».

Доктор Масуда: «Удивительно: в России – своим умом, своими силами. Я-то думал там только нефтью торгуют».

Доктор Гурвич: «Мадлен его долго расспрашивала об этом. И вообще ей об этом нужно знать».

Мадлен: «Я выполняла задание Доктора. Он говорит, что всю жизнь и всегда подрабатывал, а у них много частных вузов, то есть где подработать. Учитывая его трудоспособность, предположить это не сложно».

Доктор Масуда: «Ну, к тому же, он почти аскет. Так что трат было не много. В этом он типичный кореец».

Мадлен: «И он все, что зарабатывал переводил в твердую валюту и на кризисах резко разбогател. Вот и все. Но его дети в эту сказку не верят, поэтому там и нет душевного контекста».

Доктор Гурвич: «Далее, он как бы воплощение конформизма, он живет, по принципу, не конфликтуя ни с кем. А делать то, что делают другие и хотят видеть от него все, глубоко пряча свое истинное «я»».

Мадлен (закуривая): «Наверное, как и мы все. Боже мой, как мы все похожи».

Доктор: «У него конформизм – следствие рационализма или наоборот?».

Доктор Масуда: «Я думаю, базой является его конформизм, он разлучен с детства с родителями. Для корейцев – он чужой, для других тоже. Даже математику он выбрал по принципу бесстрастности и неконфликтности».

Доктор: «Вот и замечательно. Мы все будем уповать на его дальнейшую бесконфликтность. Если он не хочет конфликтовать, то должен и согласиться с нами».

Доктор Масуда (встает): «Но он не бесхребетен».

Доктор: «Ладно, но он же не портрет. Есть ли у него слабости, склонности. Страсть, что ли? (Услужливо) Может м-м Мадлен об этом расскажет?».

Мадлен: «Я поняла. Как вокруг да около, там это Масуда или Гурвич. А как что-то конкретное, там мадам Мадлен – вперед».

Доктор Гурвич: «Как и во всем. Вы же сами боролись за эмансипацию».

Мадлен: «А Вы ничего не путаете? Ладно, кроме фантастичной любви к книгам, он любит рисовать по стеклу. Рисует восточные пейзажи».

Доктор: «Ну, так и что? Можно побыстрее?».

Мадлен: «Доктор, Вы сами просили подробнее. Так, или короче, или подробнее? Да, еще он очень не равнодушен к детям. Скажем так, весьма чадолюбив».

Доктор Масуда: «И что ж ему не жилось с внуками? Если он так чадолюбив? Или для него дети – это те, кто живет далеко и не свои?»

Мадлен: «Во-первых, это было там, здесь он один, у него масса свободного праздного времени. Есть о чем подумать. Да и потом его рационализм не позволяет любить безоглядно, конкретно. А так – удобно. Впрочем, как и мой муж. Очень любит детей, но на расстоянии» (с грустью).

Доктор: «Мадлен, извините, не до сантиментов, но откуда такая уверенность о его любви к детям?»

Доктор Масуда: «Но он постоянно беседует с представителями детских фондов, сам видел, как он записывал данные фонда помощи детям-сиротам».

Доктор: «Вот это нельзя допустить. Не сочтите меня чрезмерно черствым, но это не наш профиль, не наш стиль. Профессор достоин более высокой участи. Ладно, доктор Гурвич, как нам построить беседу, какие подобрать слова, жесты, эмоции?»

Доктор Гурвич: «Он – рационалист, с ним надо говорить спокойно, как бы советуясь, употребляйте как можно больше слов: решение, выбор, ситуация, проблема, выход, совет, подсказка и т.д. Он должен самостоятельно вовлечься в проблему и, как бы сам решить, это должно стать его собственным решением».

Доктор Масуда: «Еще один дорогой наш человек?»

Мадлен: «Вы знаете, мне его жаль. А как он будет расплачиваться? Помимо всего это его добьет. Ведь он, как Вы назвали, конформист, но, отнюдь, не мошенник и не лгун, с его-то рационализмом остаться одному с долгами».

Доктор: «Да... И что нам делать? С вашего позволения, м-м Мадлен будет искать нового человека за два дня до окончательного решения? Или вы сами замените его? Я хочу понять – мы вместе или нет? Или – злой босс и добрые сотрудники-самаритяне, которые даже зарплату не хотят. Так ведь?».

(Все кивают. Мы вместе, мы одна команда).

Входит Изабель: «Доктор, к Вам гости. Причем их много».

Доктор: «Так, все свободны. Масуда и Гурвич на обход. Мадлен и Профессор, подготовьте его к основной беседе. Изабель, зовите гостей и всем пора. Что-то у меня предчувствие».

Картина №

Сцена разделена надвое. В одной части Мадлен гуляет с Профессором. Она с небольшим букетом красивых цветов. Он одет в пуловер, достаточно раскован.

В другой части темно. Беседуют Доктор, сын Профессора и попечители.

Сын Профессора: «Ну что, Доктор. Все готовы нам сказать, что мой отец согласился. Я, к сожалению...»

Попечитель: «Что, к сожалению, в последний момент «к сожалению» быть не может».

Сын Профессора: «Я хотел сказать (виновато), что, к сожалению, с отцом прямо об этом не говорил. Но уверен...»

Попечитель: «Хорошо, что Вы уверены. Иначе я буду уверен, что у нас есть достойная замена. Это Доктор, это Вы – дорогой, ваша Мадлен и так далее. Или я ошибаюсь? Деньги уже готовы. Нам лишь надо дать счет нашего человека и перевод из банка приходит к нам. Так что думайте».

Сын Профессора: «Да, только не совсем так быстро. Ему надо съездить в банк, все подписать, взять деньги через 2-3 дня. Таковы условия банка. И передать нам. Но в банке он будет один и вне нашего контроля. Наш друг в банке просит нас, и настоятельно, быть вне этого процесса, чтоб ему быть вне подозрений».

Попечитель: «Понятно. Все хотят быть вне подозрений, только при дележе прибылей все заявляют, что они рисковали больше всех. Да ладно, кажется, я к этому привыкаю».

Доктор: «Но ведь у нас не было проколов. Мы пока работали без протоколов».

Попечитель: «Что значит «пока»? Мы открываем новую технологию, новую чистую схему, где всем хватит. И вдруг «пока». Никаких «пока». (Доктор все

смотрит в окно). Доктор, мы делом занимаемся или нас интересует судьба Мадлен?»

Доктор: «Да, нет-нет. Она должна завершить беседу с Профессором».

Сын Профессора: «Что значит «завершить»? Вы должны уже в пятницу подписать в банке договор. Во всяком случае, Вы это клятвенно обещали».

(Входит Изабель)

Изабель: «Доктор, месье Прево отсутствует, а к нам опять пришли эти из детского фонда. Что делать?»

Доктор: «Нет Прево, есть другие. Распорядитесь, что никого из посторонних, тем более в эти 7 дней у нас не должно быть. Все. Отдайте распоряжение срочно. Никаких посетителей, тем более, просителей».

Сын Профессора: «Господи, как мы были счастливы еще 5 лет назад, когда всем высылали письма, что Вы выиграли в лотерею, и люди с радостью давали свои данные, под которые мы брали кредиты. И кому это все мешало».

Попечитель: «Кому, кому? Всем хотелось порядка. А не бывает порядка во всем, кроме. Он или есть, или его нет. Поэтому мы и изгаляемся в головоломках с кредитами. Ну ладно, даст Бог, линия пока не новая, не тривиальная, надеюсь, что 2-3 года поработаем. Итак, завтра в пятницу к 12.00, Доктор, Вы и Профессор в банке, оформляете кредит. В понедельник он уже переводит деньги нам».

Сын Профессора: «Его квартира оценена в 500 т. евро, и именно такую сумму дает банк. Ну что, всем пока. Месье Доктор ждет вестей. И непременно хороших».

Доктор: «Только хороших. Непременно».

(Все уходят)

Остается Доктор один: «Изабель, где Мадлен? Пожалуйста, позовите ее побыстрее».

Изабель: «У нее выключен телефон. Я хотела посоветоваться по поводу посетителей – просителей из детского фонда, но не дозвонилась».

Доктор: «Ладно. Выпейте Вы со мной хоть коньяку. Не пить же мне одному».

Изабель: «Доктор, но я всегда рядом. Вы только позвоните или просто позовите» (обнимает Доктора за шею).

Картина №

По берегу прогуливаются Мадлен и Профессор (звучит тихая французская музыка Джо Дассен).

Мадлен: «Вы знаете, Профессор, мне кажется, Доктор хочет Вам предложить некую финансовую сделку, если не аферу».

Профессор: «Да я уж догадался. То я никому не был нужен. Теперь со мной беседуют все. Даже Гурвича пригласили».

Мадлен: «Поймите, наверное, меня выгонят с работы, но я...»

Профессор (прикрывает рукой ей рот): «Извините, но я понимаю. Я ж все-таки математик, хоть я и делаю все по умолчанию. Но дураком еще меня никто не считал. Если здесь мой сын, который, к сожалению, весь свой талант, а он мог быть хорошим математиком, потратил на различные схемы финансовых афер, то я понял, о чем идет речь».

Мадлен: «Вы только поймите, я не с ними. Да, вначале они попросили меня быть все время с Вами. Но потом Ваши рассказы, стихи заставили меня поиному на все взглянуть. Я как бы и себя оценила со стороны, взглянула на все с другого ракурса».

Профессор: «Не было б их афер, Вы б ко мне даже не подошли. Так что, я рад. А как будет дальше – посмотрим. Но дураком меня еще никто не считал. Что-то я разговорился с Вами, Мадлен».

Мадлен (берет его под руку): «Профессор, чисто из женского любопытства еще вопросы».

Профессор: «Конечно, Мадлен. Хотя в последнее время я словно на стекле. Меня все обо всем спрашивают, разглядывают».

Мадлен: «Ну я же не все. Профессор, а что Вы не поехали в Корею? Все-таки, родина. К своим поближе».

Профессор (шутя): «Надеюсь, Вы спрашиваете не о Северной. Вы знаете, когда я хотел – было нельзя, когда стало возможным – уже я не хотел. Если честно, боялся разочароваться. Образ родины у меня сложился через мать, которую я смутно помню. С тех пор рисую пейзажи, мечтаю, но боюсь соприкоснуться с реальной Кореей. Лучше любить на расстоянии. Да и какой я кореец? Язык-то толком не знаю. Родился на Сахалине (это у Тихого океана), учился в Средней Азии, работал в Москве, а теперь во Франции живу, хотя не живу, а просто уединился здесь. (Радостно) Хотя теперь уже не так. Не уединился».

Мадлен: «А я Вам не дала уединиться. Ну что, я же женщина и была неплохим врачом, мне все интересно. Так что не отвертитесь».

Профессор: «И мне все интересно. Я рад, что Вы мне рассказали про свою жизнь. Внешне Вы всегда цветущая женщина, оказывается, и красивые тоже мучаются. Мы с Вами обязательно почитаем Чехова, причем вслух».

Мадлен: «Да ладно Вам. (Смеется) Я женщина, а значит, иррациональная, сделала неправильный выбор, а Вы с другой планеты супер рацию. Что ж Вы-то каждый раз не так женились? Или опять мы виноваты?»

Профессор (смеясь): «С Гурвичем разговор шел в более спокойной манере. Вот и довыбирался. Есть же даже математическая задача рационального выбора».

Мадлен (демонстративно): «Господи, опять математика».

Профессор: «Если всерьез, мама хотела моей женитьбы».

Мадлен: «А откуда Вы знаете, что мама хотела?»

Профессор: «Я часто видел ее во сне. А может, мне хотелось, чтоб она советовала мне. Мать хотела, что я женился на кореянке, я видел ее во сне, готовящую корейские свадебные платья. Отец был бы счастлив, чтоб я слился с другими, не выпячивал свое корейское происхождение. В Средней

Азии настойчиво предлагали сделать карьеру, жениться на местной, далее (смеясь) по списку».

Мадлен: «И что, в конце концов?»

Профессор: «А я как колобок – это герой русской сказки – от всех ушел и, наверное, к лисам попал. А давайте лучше посидим где-то в кафе, попьем кофе и просто помолчим».

Мадлен: «А Вы еще не намолчались? Но если месье приглашает, тем более профессор, кто ж откажется. Хотя, наверное, меня уже ищут на работе».

Профессор: «А Вы скажите, что уговаривали меня так долго. Вас и простят, даже похвалят. Особенно Доктор».

Мадлен: «Да, Доктор особенно похвалит».

Картина №

Кабинет Доктора. Сидят попечители, сын Профессора, Доктор, Прево, Изабель.

Доктор: «Кто его видел в последний раз: Ну кто бы мог подумать? Так обмануть! А еще профессор».

Прево: «Так что, он не получил кредит?»

Сын Профессора: «Дело в том, что как раз и получил. В пятницу с Доктором, не знаю, о чем они там договорились, все подписал, наш человек в банке все оформил».

Прево и Изабель: «И?»

Попечитель (мрачно): «А дальше все как в плохом детективе. Он, я имею в виду Профессора, уж не знаю, с чьей подачи, переводит все наши деньги».

Сын Профессора: «Ну, не совсем наши».

Попечитель (кричит): «Наши, они должны были стать нашими! Повторяю, наши деньги, которые мы пробили под залог его квартиры, переводит в фонд детей-сирот. А кое-кто нам гарантировал полный порядок. Обещал в случае чего полностью возместить все наши издержки своим имуществом или

кредитом. Верно я говорю, Доктор? И Вас, уважаемый профессорский наследник, это тоже касается. Причем очень касается».

Доктор: «Но у меня уже и так полно кредитов. Может, на кого-то из сотрудников? Кстати, где Мадлен? Почему ее нет второй день?»

Изабель: «Я вам всегда говорила, что в трудный момент ее рядом не будет. Так нет же. Все Мадлен, да Мадлен».

Попечитель: «Так, все замолчали. Из плохих ситуаций хороших выходов не бывает. Срочно, Прево, узнайте, где Профессор и Мадлен».

(Работает факс)

Доктор: «Изабель, что там за факс. Что, еще что-то?»

Изабель: «Пришел... пришел».

Доктор: «Вы можете внятно сказать, кто пришел? Есть ли у нас вменяемые люди?»

Прево (вырывает факс у Изабель): «Пришел счет на два билета на утренний рейс в Сеул».

(Все смотрят на часы и садятся)